

Историческая память, исторический суверенитет

Мы все чаще слышим термин «суверенитет» в самых различных сочетаниях: это и государственный суверенитет, и научно-технический суверенитет и вот, наконец, недавно заговорили об историческом суверенитете. Если значение двух первых терминов интуитивно понятно, то за разъяснением последнего редакция обратилась к кандидату политических наук Наталье Панкевич, выступившей с докладом на эту тему на круглом столе Уральского научного форума «Историческая правда и коллективная память» (мы писали об этом в «НУ» № 9–10 за нынешний год). Исследования по данной тематике ведутся в Институте философии и права УрО РАН в рамках проекта по разработке российской историографической модели политико-правовых знаний в целях противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России в сотрудничестве с Институтом государства и права РАН.

— Наталья Владимировна, откуда взялось столько измерений у суверенитета? Понятно, что этот термин предполагает независимость, полноту власти и возможность самостоятельно определять свои цели и задачи, выбирать средства их достижения... Причем тут история?

— Исторический суверенитет означает способность государства создавать и отстаивать собственную трактовку своего прошлого, исторического опыта, испытаний, побед и их вклада в современное состояние. Сегодня такой способностью обладают далеко не все. В 1990-х бывшие союзные республики СССР получили государственную независимость, страны Восточной Европы — политическую автономию. Однако трудно считать, что они смогли реализовать те возможности, которые дает государству суверенитет не просто как формальный статус, но как ресурс самостоятельного развития. Все они тут же оказались включены в целый ряд интеграционных проектов на континенте, самым заметным из которых было расширение Евросоюза на восток. «Вход в Европу» потребовал от стран-кандидатов серьезных уступок — не только объемного заимствования и внедрения европейских норм в области экономики и государственного управления, выноса решения конфликтов в европейские органы правосудия. От них ждут включения в общее пространство ценностей и смыслов, но переход на «европейские ценности» означает отказ от значительной части своего исторического опыта и его масштабное переосмысление. Этот процесс весьма болезненный и часто ведет к серьезным потерям.

— Это геополитика?

— Геополитика — это конкуренция между государствами за главенство в пространстве, но сегодня центр этой конкуренции переносится в гуманитарную сферу — в область правового, политического, ценностного

регулирования. Стратегия ЕС в отношении стран периферии предполагает добровольное выполнение целого ряда условий для вступления в ЕС. Среди них есть те, которые можно измерить формально. Но есть и такие «мягкие» требования, которые оказываются совершенно несовместимыми с пониманием истории. Например, от Турции потребовали признания ответственности за геноцид в 1917–23 гг. У так называемых ассоциированных членов (это как раз бывшие советские республики) возникает множество обязанностей по трансформации своей политической и экономической системы, но оценка прогресса производится в основном по ценностным основаниям. Поэтому, несмотря на многочисленные уступки, положительного решения можно ожидать десятилетиями. А приобретенные права могут быть отозваны.

— Можно ли говорить, что сегодня ценности, присущие конкретному государству, имеют абсолютный приоритет? Ведь система международных отношений построена на ряде принципов и ценностей, которые имеют универсальное значение.

— Да, сегодня существует развитый набор ценностей, закрепленный в международных соглашениях, от которых ни один субъект уже не может отказаться: это, прежде всего, права человека. Но именно эта ситуация ведет к тому, что значение национальной идентичности резко возрастает именно как ресурс суверенитета. Сегодня мы видим, что целый ряд государств производит масштабный пересмотр своих международных обяза-

тельств и приведение их в соответствие с национальными приоритетами и ценностями. Очень показателен здесь опыт Китая.

Россия также находится в этом тренде, подчеркивая уникальность коллективного опыта нашего народа и апеллируя к исторической памяти. В новейшей редакции Конституции РФ не случайно появились такие ценностные компоненты, как единство и преемственность государственного развития, тысячелетняя история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, вера в Бога, добро, справедливость и историческая правда.

— Хорошо, историческая правда — это понятно, но исторический суверенитет?

— Конструирование своей уникальной идентичности невозможно без обращения к прошлому, без формирования признанных трактовок собственной истории. Любое ограничение этого права ослабляет позиции государства в геополитическом измерении. Даже крупнейшая страна Европы — Германия — фактически лишена права самостоятельно трактовать свое прошлое, не говоря уже о прибалтийских республиках, где можно открывать сколько угодно «музеев советской оккупации», но нельзя говорить, например, о росте экономики в составе СССР.

— А как реагирует население Восточной Европы на такое ограничение исторического суверенитета?

— По-разному. Повсеместно идут дискуссии с высоким потенциалом конфликтности и даже протеста. Дело в том, что в ЕС действует мощная система ценностного регулирования на основе радикально индивидуалистической концепции прав человека. Но страны Восточной Европы в этом смысле очень отличаются от стран западного ядра Европы. И если экономические, правовые и институциональные формы обычно не вызывают у населения серьезного отторжения, то вторжение в сферу жизненных ценностей уже затрагивает людей напрямую и вызывает сопротивление, на которое приходится реагировать и государственным структурам.

Сегодня активное сопротивление ценностям осуществляют Польша и Венгрия. Ряд последовательных изменений в праве этих стран направлен как раз на защиту первичных жизненных, по сути, еще дополитических ценностей: семейных ценностей, родительских прав, религиозной приверженности значительной части населения. И это в целом рискованная стратегия, которая уже стоила этим странам отзыва европейских субсидий. Возможно и привлечение обеих стран к судебным слушаниям в Европейском суде, дисквалификация их должностных лиц в органах ЕС.

Ассоциированные постсоветские государства еще более уязвимы, поскольку собственные граждане и внешние властные центры предлагают их правительствам прямо противоположные ориентиры. А недостаток смелости властей следовать заявленной позиции ведет к заведомо проигрышным сценариям. Яркие примеры тому мы видим в Грузии и Армении.

— Может ли такой протест изменить систему?

— Невозможность изменить свое настоящее в рамках ЕС приводит к переносу в общественном сознании этих стран своей суверенности в «светлое прошлое». Иногда в довольно превращенных, фантастических формах. Это своего рода муссирование исторической травмы. Часто эта тенденция приобретает институционализированные формы: законы о памяти, музеи определенной направленности (террора, оккупации, репрессий, геноцидов), обращения в инстанции международного правосудия.

В Польше ряд элит мечтает о доминировании между Балтикой и Черноморьем

(«Польша од можа до можа»). В Венгрии растет запрос на пересмотр статуса земель, потерянных еще по Трианонскому договору 1920 г. А это уже ведет к практическим действиям — предоставлению гражданства и материальной поддержки этническим соотечественникам — потомкам тех, кто остался за рубежом в результате территориальных изменений.

Такие настроения ведут к умножению конфликтов и могут выражаться в конкретных программах — реституции собственности, требованию неких компенсаций за причиненный ущерб, которые страны Европы предъявляют друг другу.

— Создает ли эта ситуация какие-то возможности для продвижения российских ценностей? Следует ли ждать какого-то поворота Восточной Европы лицом к нам?

— Сплошь и рядом политические интересы лишь надстраиваются над жизненными ценностями населения и могут им противоречить. Понимание этого важно, поскольку дает РФ некоторые ориентиры и ключи для эффективной работы. Нужно говорить с народами Восточной Европы помимо властных структур, связанных западным влиянием.

Там, где европейская политика вынуждена искать отдельные точки доступа к ценностному влиянию, РФ имеет возможность обратиться непосредственно к идентичным (связанным с идентичностью, осознанием своей уникальности) и ценностным ориентирам большинства. Это стратегия поиска общности на глубинном, фактически дополитическом уровне, который исключает приоритет политической конъюнктуры и ситуативных интересов властных элит и ценностных предпринимателей.

На постсоветском пространстве народы связывает общность глубинных смыслов и кодов, связанных с пониманием человека не в качестве индивидуализированного и вырванного из социального контекста субъекта, но в совокупности его отношений с семьей, народом, транспоколенческим единством, общей историей и опытом. Об этом справедливо говорит Президент РФ В.В. Путин. Сегодня у России есть все шансы стать действенным источником морального нормирования, предлагая собственные, более соответствующие культурным кодам и идентичности народов постсоветских стран трактовки жизненных ценностей.

Интервью вел
А. ЯКУБОВСКИЙ